

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.30>

Богомолов Алексей Владимирович, Гришунина Марина Андреевна

ПОНИМАНИЕ ЖЕНЩИНЫ КАК ДРУГОГО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА (С. ДЕ БОУАР, Э. ЛЕВИНАС, Ж.-П. САРТР)

Статья обращена к проблеме понимания женщины как Другого во французской философии XX века. Внимание акцентировано на воззрениях Симоны де Бовуар, Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса. Выбор именно этих персоналий во многом обусловлен спецификой их взаимоотношений, что нашло непосредственное выражение в их философских исканиях. Показано, что, несмотря на наличие противоречий в воззрениях указанных философов, присутствует и определенная схожесть идей. Этим общим моментом является попытка понимания женщины посредством категории Другого. Важным в концепции трех мыслителей является положение о том, что Другим женщина признается в силу своей объектности, подчиненности мужчине.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/30.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 161-164. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 12.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.30>

Статья обращена к проблеме понимания женщины как Другого во французской философии XX века. Внимание акцентировано на воззрениях Симоны де Бовуар, Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса. Выбор именно этих персоналий во многом обусловлен спецификой их взаимоотношений, что нашло непосредственное выражение в их философских исканиях. Показано, что, несмотря на наличие противоречий в воззрениях указанных философов, присутствует и определенная схожесть идей. Этим общим моментом является попытка понимания женщины посредством категории Другого. Важным в концепции трех мыслителей является положение о том, что Другим женщина признается в силу своей объектности, подчиненности мужчине.

Ключевые слова и фразы: экзистенциализм; Ж.-П. Сартр; Э. Левинас; феминизм; С. де Бовуар; женщина; Другой.

Богомолов Алексей Владимирович, к. филос. н.

Гришунина Марина Андреевна

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

(Мининский университет)

enstestens@mail.ru; jar.of.jam1216@gmail.com

ПОНИМАНИЕ ЖЕНЩИНЫ КАК ДРУГОГО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА (С. ДЕ БОВУАР, Э. ЛЕВИНАС, Ж.-П. САРТР)

В настоящее время с учетом динамики социокультурных процессов дискуссии о статусе женщины в современном обществе приковывают к себе особое внимание [1]. В целом данная проблематика в западноевропейской философии занимает важное место, и в разные эпохи понимание статуса женщины имело свою специфику. В этой связи, безусловно, **актуальным** представляется обращение к истории вопроса. В рамках настоящей статьи мы обратимся к одному из аспектов дискуссии о понимании женщины во французской философии XX века. В частности, в центре внимания – воззрения Симоны де Бовуар, Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса. Интерес именно к этим трем мыслителям обусловлен следующими обстоятельствами.

Симона де Бовуар – одна из феминисток, внесших свою лепту в развитие учений о женщине в XX веке. В рамках своей концепции и во многом исходя из установок экзистенциальной философии, она предлагает понимание женщины в контексте категории «Другое». С. де Бовуар – крайне неординарная личность. Это проявляется в отношении к жизни, в частности отношении к любви, семье и браку. Интерес представляет и то обстоятельство, что идеи, нашедшие отражение в ее трудах, были в значительной степени основаны на личном опыте. Особо здесь, конечно, следует выделить взаимоотношения с Сартром: «любовные многоугольники», «паутины», отказ от официального брака, интимной жизни друг с другом (но не с другими), отказ от детей, сопровождающийся постулатом свободной любви. При этом с Сартром они имели схожие взгляды, которые и стали отправной точкой к их нелегкой жизни друг с другом. Кроме того, и в творчестве Сартра также наличествует обращение к данной проблематике, что обуславливает интерес к сравнительному анализу их воззрений. Так или иначе, сложный характер взаимоотношений с Сартром – один из важных факторов, побудивших ее к написанию своего сочинения «Второй пол». Именно в произведении «Второй пол», написанном в 1949 году, де Бовуар исследует отношение к женщине как к Другому. отождествляя женщину с Другим, де Бовуар в духе экзистенциальной философии рассматривает эту проблему, исходя из своих представлений о воле, свободе, самореализации и т.д. В свою очередь, Э. Левинас – философ, чьи взгляды так часто критикует Симона де Бовуар, что без особого труда просматривается в той же книге «Второй пол». Вместе с тем в воззрениях де Бовуар и Э. Левинаса можно усмотреть и некоторую схожесть идей: Э. Левинас, в частности, также признает, что женское начало следует понимать как Другое.

Таким образом, общность предметного поля, а также специфика личных взаимоотношений объединяет этих мыслителей в единый «экзистенциальный треугольник», в рамках которого мы и обращаемся к проблеме женщины как Другого. Следовательно, **целью** настоящей статьи является сравнительный анализ концепций С. де Бовуар, Э. Левинаса и Ж.-П. Сартра. Необходимый уровень **научной новизны** обеспечивается тем,

что в концепциях трех мыслителей, несмотря на наличие очевидных противоречий, можно выделить и некую общность – понимание женщины как Другого. Хотя и понимание это демонстрируется в разных контекстах. В качестве анализируемых источников в настоящей статье выступают «Второй пол» С. де Бовуар, «Время и Другой» Э. Левинаса и «Первичное отношение к Другому: любовь, язык, мазохизм» Сартра.

В своем произведении «Второй пол» де Бовуар феномен женщины рассматривает в историческом контексте. Иными словами, понимание женщины как Другого уходит глубоко в историю. Субъектно-объектные отношения между полами берут свое начало с периода античности. Поэты, философы и врачи, начиная с Гомера (VII в. до н.э.) и заканчивая Галеном (I в.) [6], говорили о женщине как объекте, который подчиняется субъекту (мужчине) в силу биологических, психологических и некоторых иных особенностей. Первое основание понимания женщины как Другого – соотношение и необходимое взаимодополнение полов.

Классическая мысль периода античности имела четкое различие, или жесткую разницу (как пишет сама де Бовуар), между полом человека; мужчина и женщина – нечто различествующее с интуитивно постигаемым индивидуальным характером. Человеческие существа рассматриваются как противоположные, разделенные. Одним из ярких примеров, подтверждающих это, является диалог Платона «Пир». Речь идет о мифе об андрогинах – предках людей, сочетавших в себе мужское и женское начала, женское и женское начала, мужское и мужское начала. Андрогини, будучи сильнее каждого из двух других полов, решились взойти на небо с целью напасть на богов. «С трудом Зевс придумал и говорит: Мне кажется, я нашел средство, как людям продолжать существовать, оставив свою необузданность, став слабее. Теперь каждого из них я разрежу надвое, и они станут частью слабее, частью же полезнее для нас, потому что увеличатся количественно и будут ходить прямо на двух ногах» [Там же, с. 318]. Каждый из нас есть половина человека, доля от целого, которая стремится найти свое дополнение: «И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с воледелением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь» [Там же]. И далее: «И если одна половина умирала, то оставшаяся в живых выискивала себе любую другую половину и сплеталась с ней, независимо от того, попадалась ли ей половина прежней женщины, то есть то, что мы теперь называем женщиной, или прежнего мужчины. Так они и погибали» [Там же].

Можно предположить, что данная мысль находит свое отражение и в творчестве исследуемых нами авторов. Так, в работе Сартра «Первичное отношение к Другому: любовь, язык, мазохизм» [10] мы обнаруживаем божественную природу «поиска» своей половины, своего дополнения. В названном тексте можно отметить важный, на наш взгляд, момент: мы, определенные собой же как Я, можем достичь Бытия лишь через Другого. В отношениях мужчины и женщины крайне необходимо, чтобы каждый из участвующих в выборе осуществлял его в условиях абсолютности, о чем свидетельствуют такие слова, как «вместе навсегда», «до конца наших дней», которые очень часто звучат между людьми, подчиненными эросу. А поскольку выбор мы принимаем как инвариантный, можно утверждать, что та противоположность, которую выбираем мы, есть выбор божественный. Для Сартра мы несем в себе идею бытия-для-другого, что есть и у того, кто пытается пойти с нами на контакт. Другой ваяет наш облик, формирует его, и только ему подвластно знать, каков он, потому как он производит Бытие для него. Другой – тот, кто крадет Бытие и творит его. Пытаясь воплотить проект возобновления себя, мы производим проект поглощения Другого, который работает в обе стороны [2, с. 28].

У Э. Левинаса мы находим идею о Другом как хранителе божественной тайны – тайны о создании нас и нашего мира. Другой лишен свободы, поскольку отношения со свободой в данном моменте обязывают к подчинению или порабощению. В обоих случаях происходит уничтожение одной из сторон. Он полностью отторгает идею об онтологичности Другого, поскольку тогда мы подразумеваем его как препятствие. Другой у Левинаса – это тот, который не похож на Я, представляющий особую тайну за счет своей непохожести. В главе «Эрос» книги «Время и Другой» он утверждает роль Другого у женщины, поскольку она несет в себе тайну, загадку, миф о Вечной Женственности. Он утверждает существование женщины через сокрытие, которое, в свою очередь, является целомудрие: «Женское завершается как сущее не в трансценденции к свету, но в целомудрии» [7, с. 96].

Как только человек утверждает себя в качестве субъекта, обладающего личной свободой, идея Другого становится угрозой, поскольку он не определяется нами как Я, он обладает некоторой инаковостью. Как в ранней греческой философии мы наблюдаем особое отношение к инаковости, так и у Платона – инаковость есть то же, что отрицание, то есть Зло [4, с. 141]. Другой – это пассивность перед лицом активности; разнообразие, уничтожающее единство, и вместе с тем его создающее; противостоящее форме. «Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину» [Там же, с. 142]. Данным утверждением мы закрепляем роль Другого за женщиной, на что указывает С. де Бовуар. Она утверждает, что женщина обладает автономной свободой как и всякий человек; она выбирает себя в мире, но мужчины вынуждают ее принимать себя как Другого, помещая ее в рамки объекта с присущей имманентностью [Там же, с. 29]. Ж.-П. Сартр пишет, что в Любви каждый из «соперников» желает быть «всем в мире» для своего возлюбленного. Он тот, кто становится всеми «этими», превращается в объект и является им. Он пытается установить границы для Другого, не воздействуя на свободу Другого, но априорно быть объективной границей свободы.

Э. В. Спелман полагает, что трансцендентность женщины ограничивается поиском мужчины, чьи стремления и порывы отражаются в самих женщинах [9, с. 279]. Бовуар находит выход: дать женщинам то, что есть у мужчин, плюс способность добиваться самим женщинам. Те, которые используют женское начало в полном объеме, способны достичь положения, сходного с мужским. Они являют себя миру как самостоятельные, индивидуальные, способные добиваться своих целей. Это оправдывается последовательным нигилизмом. Если она нуждается в моральном оправдании, то, скорее всего, она воспользуется нищенскими идеями. Для самой себя такая женщина – это дар, сокровище.

Согласно С. де Бовуар, об исторических предпосылках нивелирования женщины как субъекта не стоит спорить: мужчина с древних времен ограничивает женщину в правах, наделяет ее обязанностями, решает за нее ее судьбу. «Мужчина – это хозяин мира» [5, с. 91], «мужчина знает, что, если он хочет удовлетворить свои желания и продлить свое существование, без женщины ему не обойтись» [Там же, с. 111]. С детства все склоняет девочку принять точку зрения, что стать вассалом мужчины – ее интерес. Это закладывается родителями: успех у мужчин поощряется семьей. Брак для женщины – работа, почетная должность, а «быть женщиной – значит чувствовать себя объектом желания, считать себя желанной и любимой» [Там же, с. 141]; «ни гормоны, ни таинственные инстинкты не определяют женскую природу, женскую сущность, все зависит от того, как ощущает себя сама женщина; как она, отталкиваясь от восприятия окружающих, относится к своему телу, каково ее мировосприятие» [Там же, с. 310]. Общество же пропагандирует мысль о ее специальной задаче, иногда являющейся чуть ли не целью, – завоевание мужа. Муж для жены, как и жена для мужа, – Другой, только для женщины он сущностный. Даже когда она смотрит на свое отражение в зеркале, она грезит о своем образе мужскими глазами и думает, что скажет мужчина. А когда она достигает взгляда, то пытается выдержать взгляд наяву – взгляд, который нельзя обмануть; глаза, с которыми невозможно бороться. Женщина видит в этих глазах свободу Другого, который принимает «решение безапелляционное» [Там же, с. 164]. Она обретет свободу, сможет освободиться от семейных обязательств, только выйдя замуж, но снова, вверяясь и покровительствуя мужчине, переходя полностью в его подчинение как жена, теряет ее. И обусловлено это ее желанием преодолеть расстояние с лицом, которое находится к ней так близко, затеряться во времени, забыть о самой себе. Ее забвение глубже мужского, поскольку любовное желание пронизывает ее тело целиком, а субъектности она сможет достичь, лишь слившись с предметом своих дум. И снова мы встречаем некую алогичность в размышлениях, поскольку полагаем, что женщина отдает саму себя целиком мужчине. Здесь важно вспомнить о фрейдовском понятии самонаказания или высказывании Сартра «Я виновен, потому что являюсь объектом». Женщина испытывает вину за то, что отдает свое «я» мужчине, и наказывает себя безмерным погружением в зависимое состояние.

Важно учитывать и роль мужчины: если он не только желает женщину, но и уважает ее свободу, то при ее трансформации в объект она не потеряет своего достоинства, и в дальнейшем ее инаковость не будет пугать. «Наверное, куда удобнее переносить беспросветное рабство, чем трудиться над избавлением от него... отказаться быть другим, отказаться быть пособницей мужчины означало бы для них отказаться от всех преимуществ, которые может представить союз с высшей кастой» [4, с. 302], – универсальное решение, которое находит Бовуар для оправдания женского стремления к зависимости. «Мистичность» женщины также доказывается иным способом: если она была Другим, значит, между полами не существовало обоюдных отношений: женщина – земля, мать, богиня – никогда не была для мужчины ему подобной; ее могущество утверждалось по ту сторону человеческого царства, то есть сама она была вне этого царства. Он же мечтает обладать тем, чем он не является, он соединяется с тем, что является для него Другим [Там же, с. 133]. Она – материя, в то время как «лучшее божественное начало» определяется мужским полом.

Женщина – это ящик Пандоры, отличающийся полной непредсказуемостью: «Из всех этих мифов глубже всех запал в мужские сердца миф о женской “тайне”. У него множество преимуществ. Прежде всего он позволяет запросто объяснить все то, что кажется необъяснимым; мужчина, “не понимающий” женщину, счастлив подменить субъективный недостаток объективной помехой; вместо того чтобы признать свое невежество, он считает, что вне его существует какая-то тайна: вот и готово алиби, которое одновременно тешит лень и тщеславие. Таким образом, влюбленное сердце избегает немалых разочарований: если возлюбленная капризна, а речи ее глупы, все оправдывает тайна» [5, с. 107].

Человек мыслит себя, только если помыслит Другого: мир для него идет со знаком дуализма. Изначально женщина не имела должного значения для укрепления в категории Другого, но с течением времени она обретает свою силу и ситуация меняется – появляются женские божества, связанные с плодородием. Интересно заметить, что в те времена, когда мужчина тяготел и испытывал благоговение перед Жизнью, Природой, Женщиной – их таинствами, – он не был лишен своей власти, но женщина превозносится им как божество. Сохраняя свою власть, он преклоняет перед ней колени. Она, как идол, создана им и потому столь хрупка. В любой момент он может ее свергнуть с вверенного ей божественного поста. Женясь, он пытается противопоставить трансцендентность имманентности, осуществить себя, узнать о прошлом, укоренить настоящее и познаться с новым и неизведанным – с Другим. Он желает обладать тем, чем не является. Если женщина предстает ему противоположной, то он женится на ней, он с ней соединяется. Женское начало – вечное детство, которое мешает женщине приблизиться к идеальному. Окончательным созданием законов они закрепляют женщину Другим. Тем самым предвстая как бытие в противоположность ничто, идентифицируемому у мужчины, она понимается как счастье, поскольку через нее мужчина обретает свое бытие. Она – Зло, необходимое Добру, через которое можно найти путь к Целому. Женщина обрекает мужчину на конечность и позволяет ему преодолеть собственные границы.

Но не всякой женщине уготовано стать посредницей между миром и мужчиной: ей необходимо воплощать расцвет жизни, быть здоровой и молодой, красивой. Пара – это основополагающая единица, целое, половинки которой прикованы друг к другу. Но при этом женщина, как пишет сама Бовуар, определяет сама себя, но не определяема «природно». Осуществляя выбор, задачу которого мы обнаруживаем в определении самой себя, женщина зачастую определяет себя относительно мужчины, ввиду того, что это исторически обусловлено его преобладающим положением. Женщина здесь – гегелевский Другой, в сознании есть категория Другого. Являющиеся частью единого целого, оба члена необходимы друг другу. Если же она откажется

принимать себя как Другого, то это приведет к череде проблем, последствий, поскольку мужчина в полной своей субъективности гарантирует женщине материальную обеспеченность, избежание метафизического риска свободы и возможность взаимодействия с высшей кастой (с ним самим). Как утверждает Бовуар, в каждом индивиде живет искушение избежать свободы и сделаться пассивной частью – зависимой от чужих воль, что прельщает женщину, поскольку та нуждается в мужчине и не отстаивает себя как субъекта. «Любящая женщина забывает о своей личности, – пишет С. Соваж. – Это закон природы. Женщина не может существовать без повелителя. Без повелителя она похожа на растрепанный букет» [4, с. 147]. В подобном случае, пишет Бовуар, можно отметить следующий вариант: самовлюбленная женщина, которая жаждет отношений. В этом случае она не желает изменять мир и привносить в него нечто новое сама; она ищет мужчину, для которого становится вдохновением. Она заключает своего любовника в имманентность жизни, обрекая обоих на смерть. Коль скоро она не замечает самое себя, тем скорее она приведет себя к стадии уничтожения. Уверяя себя, что таким образом избавит себя от тягот жизни, она обманывается, попадая в самое тяжелое рабство. Но и этого можно избежать, отвечает нам Бовуар. Она предлагает универсальное лекарство: «Если бы она стремилась добиться признания со стороны Другого и признавала бы его свободу как цель, признавала на деле, она перестала бы быть самовлюбленной женщиной. Парадокс ее позиции заключается в том, что она требует, чтобы ее высоко ценил мир, за которым она сама не признает никакой ценности, поскольку в ее глазах в счет идет только она одна» [Там же, с. 144].

Роль Другого навязывается женщине мужчинами: она познает и выбирает себя в мире, но ее «намеренно замыкают в рамках объекта» [Там же, с. 108]. Один из примеров – жизненный цикл женщины с рождения и до момента замужества. Мужчина же определяет себя благодаря взаимодействию с Другим, «через которую он ищет самого себя» [Там же, с. 29]. Детство она проводит под покровительством семьи и отца, которых не смеет ослушаться, а затем ее передают мужу, который далее заменит ей авторитет и тоталитаризм устоев семьи.

Таким образом, в качестве **выводов** к данной статье выделим следующее. В творчестве трех мыслителей наличествует понимание женщины в контексте категории Другого. Несмотря на различия во взглядах Сартра, Левинаса и де Бовуар, в их воззрениях Другим женщина признается в силу полной своей объектности, из которой выйти она не желает, а, возможно, и не может самостоятельно. Поскольку понятие ценности деятельности, как и большинство привычных нам знаний и устоев, было сформулировано мужчинами по ее собственному допущению и исторически закреплено, она не перестает выбирать себя в качестве подчиненного объекта субъекту. Мужчина – тот, кто преобразует природу. Женщина – существо природное, способное трансформироваться, и потому нуждается в своем покровителе.

Список источников

1. **Бабаева А. В.** Проблема пола и антропологическая перспектива современного русского православия // Вестник Русской христианской академии. 2011. № 3. С. 148-157.
2. **Бацанова С. В.** Проблема Другого в работе «Второй пол» С. де Бовуар // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 28-30.
3. **Бовуар С.** Второй пол: в 2-х т. / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой. СПб.: Азбука; Азбука – Атиккус, 2018. Т. 1. Факты и мифы. 189 с.
4. **Бовуар С.** Второй пол: в 2-х т. / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой. СПб.: Азбука; Азбука – Атиккус, 2018. Т. 2. Жизнь женщины. 342 с.
5. **Бовуар С., Сартр Ж.-П.** Аллюзия любви. М.: Алгоритм, 2007. 271 с.
6. **История женщин на Западе:** в 5-ти т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. П. Шмитт Пантель; пер. с англ.; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2005. Т. 1. От древних богинь до христианских святых. 602 с.
7. **Левинас Э.** Время и Другой. Гуманизм Другого человека / пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 252 с.
8. **Платон.** Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2016. 1311 с.
9. **Спелман Э. В.** Симона де Бовуар и женщины: кто же «мы»? // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / сост. М. Л. Шенли, К. Пейтмен. М.: РОССПЭН, 2005. С. 274-296.
10. **Sartre J.-P.** La première attitude envers autrui: L'amour, le langage, le masochisme // Sartre J.-P. L'être et le néant. P.: Gallimard, 1966. P. 431-447.

UNDERSTANDING A WOMAN AS THE OTHER IN THE FRENCH PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY (SIMONE DE BEAUVOIR, EMMANUEL LEVINAS, JEAN-PAUL SARTRE)

Bogomolov Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Grishunina Marina Andreevna
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
ensestens@mail.ru; jar.of.jam1216@gmail.com

The article considers the problem of understanding a woman as the Other in the French philosophy of the XX century. Special attention is paid to the views of Simone de Beauvoir, Jean-Paul Sartre and Emmanuel Levinas. The choice of these particular philosophical figures is mostly conditioned by specificity of their relations, which is directly represented in their philosophical search. It is shown that, regardless of certain contradictions, the philosophers' views are similar in some way. The common features include an attempt to understand a woman through the category of the Other. In each of the three philosophical conceptions, a woman is considered as the Other due to her objectivity, subordinate position in relation to a man.

Key words and phrases: existentialism; Jean-Paul Sartre; Emmanuel Levinas; feminism; Simone de Beauvoir; woman; the Other.